

Книга д.ф.н. А. В. Ващенко представляет собой пособие по спецкурсу, рассчитанное на студентов гуманитарных вузов, разработанное автором на основе оригинальной *теории развития мифологического сознания*. Раскрывая понятие мифа и мифологии, автор рассматривает их в *культурологическом контексте*, вводя в научный оборот понятие «*мифологической эпохи*». Делая предметом своего исследования *миф как жанр словесного творчества*, А. В. Ващенко анализирует его основные параметры по-бахтински, то есть с точки зрения хронотопа, типа героя / героини, сюжетных ситуаций, а также прослеживает в соответствии с данными категориями *смену словесных форм мифологического сознания* от самых ранних стадий к более современным. В центре его внимания стоит вопрос о влиянии мифологического сознания на область культуры и цивилизации. В заключительных главах содержится

СУД ПАРИСА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ В КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ. СПЕЦКУРС

А.В. Ващенко
Москва, МГУ, 2008

обзор *проблемы взаимодействия мифа, искусства и литературы* в устной и письменной традиции. Подобный теоретический подход к преподаванию истории культуры представляется нам, безусловно, ценным, плодотворным и перспективным, ибо расширяет интеллектуальный горизонт учащихся и приводит в систему множество самых разнообразных культурных реалий. Понятие мифа, данное в книге, соответствует его современному пониманию, выведенному автором главным образом из работ Р. Грейвза, Норттропа Фрая и Кэмпбелла. Однако, рассматривая разнообразные точки зрения на миф, необходимо было бы, на наш взгляд, не только ограничиться списком его определений, как это имеет место в рецензируемой книге, но сделать более концептуальным обзор понятий «миф» и «мифология», претерпевших определенную эволюцию, указав на различие между традиционным (19-начало 20 века) и новым пониманием мифа в 20-21 веке, в частности, на различие между герменевтикой мифа как «коллективного бессознательного» (Юнг и Керени), с одной стороны, и как ранней формы интеллектуально-художественной деятельности, связанной с организацией

хаотических представлений древнего человека о мире в единый связный сюжет (Леви Брюль и Кассирер), с другой. К сожалению, спецкурс не предусматривает ни подробного изложения взглядов на природу и сущность мифа зарубежных мифологов, ни обращения к отечественной традиции (Потебня, Афанасьев, Зеленин, Толстой и др).

В своем понимании мифа автор исходит из соотнесенности идеологических и эстетических категорий, что представляется нам весьма обоснованным. Это позволяет ему предложить свою периодизацию мифологических сюжетов по их принадлежности к той или иной «мифологической эпохе», обозначив их как «эпоху первотворения», «эпоху трансформации (смена архаического миропорядка новым)», «эпоху героев», «современную» и «эсхатологическую» эпоху. Обнаруженный теоретический критерий сопоставления позволяет автору оперировать энциклопедически широким кругом мифологических представлений и сюжетов.

Теория смены мифологических типов сознания, отражающих «ценностно-смысловую» картину мира и соответствующих им мифологических сюжетов, складывается у автора, несомненно, под влиянием марксистской исторической науки. Творчески развивая идеи Маркса о «культурном детстве человечества», автор освещает *процесс эволюции мифопоэтического сознания* от более простых в духовном смысле мифологических архетипов ко все более сложным, привлекая для сравнительно-типологического исследования обширный материал из разных культурных традиций. К сожалению, он не соотносит стадии развития мифологического сознания с конкретными историко-

археологическими эпохами, что, несомненно, обогатило бы работу и поставило ее на более солидный теоретический фундамент. Не во всех случаях он достаточно сведущ в вопросах, связанных с историей религий. Так, затрагивая сложный вопрос о ритуально-обрядовой стороне реализации мифологического сознания, он неправомерно отождествляет магию с обрядом, чем только запутывает дело. Как религиозный и социо-культурный феномен, магия не сводится к набору ритуальных действий, а отражает духовную реальность, а именно «магическое» отношение к миру, которое соответствует религиозным и космологическим представлениям, начиная с доисторической эпохи, и предшествует, по убеждению специалистов по истории магии (Л. Торндайк), более продвинутому типу религиозного сознания, исключающему какое бы то ни было использование сакральных сил в прагматических целях. Вместе с тем А.В. Ващенко убедительно показывает зависимость «мифологического дискурса» от «мифологического мировоззрения» (Бахтин), в чем нам видится главное достоинство и новизна его подхода к сравнительной мифологии народов мира. В разделе «Типология мифологического героя» выделены соответствующие «мифологическим эпохам» типы «культурного героя», трикстера и «близнецных героев» как наиболее архаические, а также такие типы, как «Богатырь», «Мудрец» и «Пророк», «Странник», «Творец». Симптомом «современной эпохи», по мысли автора, выступает стремление к преломлению в творческом сознании писателей старых мифологических образов и создание

новых. Несомненным достижением является разработка им критериев отнесенности «вечных» образов мировой литературы к мифологическим героям и анализ таких типов, как Одиссей и Пенелопа, Дон Кихот, Гамлет, Фауст и др. Рассуждая об «эсхатологической эпохе», автор выделяет целый ряд сюжетов, связанных с образом конца света и посмертной участью человека, в мифах народов мира, однако проходит мимо мифа о загробном суде, на важную формообразующую роль которого в истории создания образа человека в мировой культуре указывал еще Бахтин. Ставя перед собой задачу связи мифа как понятия филологического с культурой и цивилизацией в их динамике, автор книги исследует сложный процесс их взаимодействия и отталкивания. Вместе с тем вызывает сомнение противопоставление им понятий культуры и цивилизации. Говоря о смене фаз мифологического сознания, автор утверждает, что в тех случаях, когда оно отражает традиционные религиозные ценности, мы говорим о *культуре*, если же речь идет об их деградации и десакрализации, то мы имеем место с *цивилизацией*, видимо, подразумевая прежде всего современную цивилизацию. Подобная антиномия, на наш взгляд, не оправдана. Как известно, под цивилизацией понимается более высокий по сравнению с предшествующим уровень духовного развития человека, например, уровень греко-римской цивилизации значительно выше по сравнению с культурой варваров, однако это не означает, что греко-римская цивилизация немифологична и десакрализована по сравнению с такими более примитивными формами выражения мифологического сознания,

как, например, шаманизм. Слишком прямолинейными нам представляются и выводы А. В. Ващенко по поводу «игрового» начала в современной западной цивилизации, которую он противопоставляет «серьезному» отношению к духовным ценностям как сакральным в мифологические эпохи. Несправедлива в связи с этим и содержащаяся в его работе критика труда голландского философа Й. Хейзинги, в которой ее автор на широком историко-литературном материале анализирует «игровой» фазис средневековой рыцарской культуры как закономерную форму осмысления обществом духовных реалий христианства в отличие от такой элитной, индивидуально-личной и более продвинутой ее формы, как мистико-философская. Точно так же игровой элемент современной культуры, по нашему мнению, нельзя упрощенно рассматривать исключительно с негативной точки зрения как символ «коммерциализации» и деградации культуры и общества, противопоставляя его «серьезной» сакральной культуре прошлого. Можно поспорить и с предложенной автором пособия атрибутикой секса и насилия образу жизни «цивилизованного Запада» как отражение процесса его демифологизации и десакрализации. Скорее здесь мы имеем дело не с вырождением европейской цивилизации как таковой, а с ее отходом от основополагающих основ христианской аксиологии в пользу возрождения древних, дохристианских и домонотеистических мифологических архетипов: сакральной функции пола и этики «священного насилия». Трудно согласиться и с тем, что пересмотр традиционных мифологических образов, например, образа предателя в европейском

модернизме, по мнению А. В. Ващенко, - это деструктивный симптом. Во многих случаях реабилитация «антигероя» в современном искусстве - результат более глубокого проникновения в человеческую психологию.

Высказанные замечания и соображения ни в коей мере не умаляют, однако, значение книги в целом, позволяя считать ее новым словом в области истории культуры и в деле ее преподавания в высшей школе. Завершая свое исследование мифа в истории человеческой культуры, А. В. Ващенко переходит к анализу мифопоэтики произведений искусства и литературы XX века, с опорой на исследования Е. Мелетинского и Грейвза. Обращаясь к мифологическим образам зооморфной природы и вещной сферы, он отмечает их смыслопорождающую символику в реалиях современной культуры (При этом сам автор на основе символики мифа о суде Париса делает интересный вывод о характере мировых цивилизаций). Отмечая тенденцию перехода от библейских и древнегреческих сюжетов как митем в современном литературно-художественном процессе к митемам «традиционных культур», А. В.

Ващенко делает акцент на малоизвестных фактах претворения архаических мифов в европейском авангарде (Пикассо, Кафка, Джойс), мексиканской скульптуре (Сикейрос), в творчестве индейских писателей США.

Небольшая по объему, но чрезвычайно насыщенная по содержанию, снабженная поглавной библиографией и иллюстрациями, написанная простым языком, книга А. В. Ващенко представляет собой надежный ориентир для каждого, кто имеет намерение разобраться в сложной триаде «миф» - «культура» - «цивилизация». Она не только открывает доступ к знаниям религиозно-философского, историко-культурного и искусствоведческого характера, но и вызывает желание принять участие в конструктивной полемике по проблемам современной литературы и искусства.

NATALIA ARSÉNTIEVA
Universidad de Granada